

18+

АСЯ АСПЕН

*Кипри
вольным
карандашом*



Ася Аспен

Кипр вольным карандашом

«Издательские решения»

Аспен А.

Кипр вольным карандашом / А. Аспен — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-657818-0

Вы любите путешествовать и собираетесь на Кипр. Может быть, мечтаете о нем. Или уже бывали там и успели полюбить. Так или иначе, эта книга для вас. В первом случае она подружит вас с островом еще до того, как вы купите билет на самолет. Или дружелюбно напомнит о месте, где вы наверняка были счастливы. Вас ждет легкий фьюжн, в котором сочетаются история острова, его легенды и приключения двух неунывающих авантюристок. Все ингредиенты коктейля пропущены через призму авторского видения и опыта.

ISBN 978-5-00-657818-0

© Аспен А.
© Издательские решения

Содержание

Самая романтическая легенда острова	6
Первое знакомство с островом	9
Житье-бытье	12
Афродита, как все начиналось	13
Как отделаться от поклонника	15
Клад Исаака	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Кипр вольным карандашом

Ася Аспен

© Ася Аспен, 2025

ISBN 978-5-0065-7818-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Самая романтическая легенда острова

Корабль не спеша удалялся от острова. Ричард Львиное Сердце стоял на палубе и всей грудью вдыхал на прощание запах Кипра, такой яркий и такой особенный. Калабрийская сосна и соленый морской бриз были основами аромата, к ним примешивались сухой розмарин с монастырских огородов и еще теплые тона прогретых солнцем древних камней.

«Вот бы иметь парфюмерное масло с таким запахом», – мельком подумалось королю.

Он был необыкновенно горд собой. Наконец-то его горячо любимая мать им довольна! Для Ричарда это было важно. Несмотря на свой двухметровый рост и многочисленные подвиги, воспетые менестрелями и трубадурами, он продолжал зависеть от ее мнения.

Мать его, Элеонора Аквитанская, славилась как женщина необыкновенная – она была Золотоволосая Львица, первая в истории Прекрасная Дама и просто самая красивая королева своего времени. А еще она обладала бурным темпераментом и не без основания слыла авантюристкой и интриганкой. Ее втихомолку считали ведьмой, потому что, несмотря на возраст и внушительный выводок уже взрослых детей, она продолжала оставаться энергичной и оболстительной. «Совсем, совсем не стареет», – шептались в европейских кулуарах. Красота досталась Элеоноре по наследству, а жесткой и решительной ее сделала жизнь, и эти качества она успешно применяла как в политике, так и в опеке над сыном. Только-только вырвавшись из заточения, где она пребывала по воле своего второго супруга за отчаянную попытку организовать восстание, Элеонора вдруг решила, что ее любимому мальчику пора жениться, и немедленно занялась этим вопросом. Но вся беда в том, что Ричард совершенно не разделял ее чаяния. Его Львиное Сердце билось для дружеских пирушек, славных битв, поэтических баллад. Но семейная жизнь его не вдохновляла.

Совсем недавно ему с трудом удалось разорвать помолвку со своей бывшей невестой Алисой. Французская пассия была очень хороша собой и настолько же порочна. Ходили упорные слухи, что она состояла в постоянной любовной связи с отцом Ричарда, Генрихом Вторым.

Ричард был самолюбив и абсолютно не толерантен, поэтому наотрез отказался от женитьбы на невесте с подмоченной репутацией, несмотря на все политические и экономические выгоды этого брака.

Возможно, он навсегда закрыл бы для себя матримониальный вопрос, если бы не его упрямая мамаша. Сейчас трудно сказать, что больше двигало ею – стремление помочь сыну или желание вновь стать значимой в кружеве европейских подковерных интриг. Но только в один прекрасный день Элеонора вдруг сорвалась с места и отправилась в Наварру за новой невестой для сына. Наварра была королевством маленьким, но стратегически важным, а дочь короля Наварры Беренгария имела репутацию девушки честной и разумной. Элеонора решила, что им с Ричардом это подходит.

Беренгария тут же вдохновилась перспективой стать невестой самого знаменитого жениха Европы. Она видела Ричарда однажды, совсем девочкой, и с тех пор его глаза цвета голубого английского неба преследовали ее в самых интимных снах.

В общем, обе дамы были настроены самым энергичным образом и из Наварры напрямик направились в Мессину, где Ричард разбирался с очередной европейской заварушкой. Путь их лежал через Пиренеи, и совместное путешествие по горным дорогам с ночевками в дурных придорожных трактирах сблизило их и укрепило общую решимость довести дело до победного конца.

Ричард сделал было попытку удрать, прикрывшись очередным крестовым походом. Но плохо он знал свою мать. И плохо знал женщин вообще.

Элеонора погрузила на ближайший корабль свою дочь Жанну в компании с Беренгарией и наказала им плыть за сыном вдогонку.

Далее эта история носит несколько мистический характер, как будто само Провиденье решило вмешаться в происходящее.

Началось с того, что корабль с дамами попал в сильнейший шторм, и его прибило к берегам Кипра. Верховным правителем Кипра в то время был Иоанн Комнин, человек не слишком дальновидный, чтобы не сказать сильнее, ибо не нашел ничего лучшего, чем взять женщин в плен. Исаак и до этого был не в самых лучших отношениях с крестоносцами, а уж этот его поступок стал последней каплей и последствия имел самые печальные.

У Ричарда не было выбора. Он был по-настоящему благороден и воспитан в рыцарских традициях, поэтому немедленно развернул свой корабль и бросился дамам на выручку. На то, чтобы завоевать остров и освободить пленниц, ушло каких-то несколько дней. И он предстал перед Беренгарией во всем блеске славы героя-освободителя, окончательно покоровив ее сердце.

Но надо сказать, что новая невеста ему тоже понравилась. Она показалась ему премиленькой со своими шоколадными глазами и золотистой кожей.

В общем, все звезды сошлись к общему удовольствию. Свадьбу играли в замке Лимасола, и была она невероятно красивой и эпатажной. Над замком полыхали одновременно многочисленные факелы и южный закат, менестрели наперегонки исполняли бесчисленные баллады, в которых славили благородного Ричарда и его молодую жену, отныне английскую королеву.

Две недели пролетели, как чудный сон, сдобренный местным вином и любовными утехами.

Но время продолжить прерванный крестовый поход в Акру все-таки наступило. Отныне молодой королеве полагалось следовать за Ричардом, как и положено преданной жене.

Ричард, стоя на просторной палубе фрегата, томно вздохнул. Пожалуй, напрасно он не поместил жену на свой корабль, было бы приятно, чтобы ее упругое тело, сладкое, как знаменитое кипрское вино, было под рукой.

Его мысли приняли совершенно фривольный характер, когда вдруг подул ветер. Он был плотным и влажным, как лечебный компресс, и очень неожиданным. Он немедленно сдул аромат эвкалиптов и греховные фантазии короля. Стало холодно и неудобно.

Ветер продолжал дуть, и Ричард почувствовал, что мерзнет. Более того, у него появилось ощущение, что леденеет не только тело, но и душа, размякшая за две безрассудные недели на острове. Время, проведенное на Кипре, стало казаться глупо потерянным, а молодая жена с каждой секундой становилась все менее привлекательной и желанной. Ричард представил себе ее круглые и полные любви глаза, которые следовали за ним, не отрываясь, и это вдруг перестало быть приятным.

«На овцу похожа», – вдруг раздраженно подумалось ему.

Плывшая на соседнем корабле Беренгария тоже ощутила этот внезапный порыв ветра. Поднялись и истошно раскричались мирно дремавшие на реях чайки. И одновременно болезненно сжалось сердце. Сердце горячо влюбленной женщины, настроенное на своего мужчину, словно тончайшая антенна. Беренгария еще оставалась героиней тех волшебных сказок, которые няни рассказывают на ночь завернутым в одеяло принцессам, но уже чуяла, что лучшая часть ее собственной истории подходит к концу. Она, к счастью, не догадывалась, насколько немилосердна будет к ней судьба. Она и представить себе не могла, что в это мгновение Король внезапно и навсегда потерял интерес к своей Королеве. И что за всю оставшуюся жизнь им суждено увидеться всего несколько раз – на пальцах одной руки пересчитать.

Разные слухи ходили о причинах столь внезапной перемены в сердце ветреного монарха, но все они были далеки от истины.

Только Афродита знала, что произошло на самом деле. Когда голубоглазый красавец ступил на ее остров, Богине вдруг страстно захотелось, чтобы он остался на нем навсегда. В конце концов, Ричард мог бы стать неплохим украшением для ее владений и для коллекции

любовников. Она рьяно взялась за дело – рассыпала золотые блестки по всему острову, напустила розового тумана в глаза Ричарда, сделала Беренгарию прекраснейшей в его глазах. И все было бы так, как она задумала, но тут у Афродиты случилась очередная любовная история, и она забыла про августейшую пару. Отвлеклась. И тончайший шар волшебства сначала треснул, а затем и вовсе рассыпался, как хрустальный. Морок рассеялся.

Афродита тоже почувствовала, как ветер сдул ее чары, но лишь плечами пожала. Ей было не до того. В конце концов, она была не только полновластной хозяйкой острова, но и красивой женщиной, которая имеет право быть капризной, непостоянной и слегка эгоистичной. Разве не так?

Первое знакомство с островом

Самолет выбирается из плотной ваты облаков, и в иллюминаторы ударяет солнце. Солнце! Как я скучаю по нему в своей холодной и вечно дождливой стране! Там, на Кипре, я буду есть его ложкой, как густой липовый мед, заворачиваться в него, словно в золотое покрывало, купаться в нем, как в ванне с дорогим шампанским.

Последний год после ряда определенных событий я чувствовала себя неважно. Личная жизнь разлетелась на куски. Отношения, которые длились целых семь лет, закончились самым печальным образом. Все это время мою душу бросало по американским горкам сильных страстей, что, в конце концов, ее окончательно опустошило. Внутри образовался вязкий ледяной ком, невидимый, но назойливо ощутимый. Он расплзался внутри, словно спрут или жирная клекса, и душил своими холодными щупальцами любую нечаянно залетевшую радость.

Я стала мрачной и перестала нравиться себе, пугаясь не свойственной мне ранее озлобленности на внешний мир.

И тут судьба, решив сжалиться, преподнесла неожиданный подарок. Мне предложили проект, работа над которым не требовала личного присутствия в офисе или в Риге. Я могла работать дистанционно. Так совпало, что в тот же день мне дозвонились Галка, моя давняя и самая любимая подруга, и, узнав новости, предложила провести это время на Кипре. Сама она переехала на остров несколько лет назад и так расписывала его прелести, что, в конце концов, мысль пожить годик в стране, где почти всегда тепло и солнечно, стала казаться мне интересной.

Я уже купила билет и собрала чемодан, но все равно казалась себе авантюристкой. И только сейчас, глядя на стремительно приближающийся остров, я вдруг осознала, что в кои-то веки приняла верное решение.

Галка встречает меня в аэропорту Пафоса и тащит к машине, радостно чирикающая и искренне сияя. Она нацепила какие-то умопомрачительные шорты с кружавчиками, больше похожие на панталоны, которые носили дамы в конце прошлого века в качестве белья. Очень сексуальная вещица. Пока мы шли к автостоянке, минимум полдюжину мужчин едва не свернули себе шеи, провожая взглядом ее аппетитную попу. Краем глаза я успеваю заметить наше с ней отражение в витрине магазина и тихо ужасаюсь. Вот это невзрачное существо в тусклой балахонистой блузе в самом деле я? Почему у меня такой изнуренный вид, зачем я скрутила в крысиный хвост свои красивые светлые волосы? Куда делась та Даша, которая считалась одной из самых эффектных девочек в школе и порвала всех на конкурсе красоты на пятом курсе университета? Сейчас я просто бледная немочь на фоне шоколадной энергичной подруги.

Галку трудно назвать красавицей, но красоткой – запросто. Невысокая, пухленькая, с плотным ежиком коротко стриженных волос, она обладает тонкой талией, бразильской попой и настолько светлой и животворящей энергетикой, что любая древнегреческая богиня совершила бы от зависти харакири, оказавшись рядом.

У нее три постоянных любовника в разных странах. Один красивый, один умный и один богатый. Богатый живет в Швейцарии и время от времени зовет ее замуж. На вопрос, а почему, собственно говоря, и нет, она возмущенно тарашит свои шоколадные глаза и восклицает:

– Нет, я не могу. А на кого я всех остальных оставляю? Это по отношению к ним несправедливо.

И солидно добавляет:

– Ты же знаешь, я очень верная!

Заподозрить ее в лукавстве при этом невозможно. При желании Галка может выглядеть простодушной, как кудрявый пучок первой весенней морковки.

На Кипре у нее небольшая швейная мастерская, а в свободное время она проводит по острову экскурсии для млеющих от восторга туристов.

Мы с подругой выходим на парковку и садимся в машину. В апреле на Кипре еще нет палящей жары, нет разомлевших от зноя туристических толп, и, как оказалось, это один из самых красивых месяцев на острове.

В апреле богато и триумфально цветет мимоза. Остров словно покрывается пушистым желтым одеялом.

Роскошные желтые кусты сопровождают нас всю дорогу, настолько живописные и яркие, что я не могу оторвать от них глаз. Это золотистое буйство не имеет никакого отношения к тем грустным цветочкам, которые мы привыкли получать в качестве корпоративного подарка на восьмое марта. О том, что мимоза – это дерево выше человеческого роста, а ее мохнатые желтые шарики на самом деле с ноготь большого пальца, никто не предупредил.

Галусик довольно хмыкает, видя мой восторг.

– Нравится? Я тебе еще цветущие поля маков и анемонов покажу! Сейчас как раз сезон, может, успеем. Зрелище, достойное Афродиты.

– Почитаешь Богиню? – улыбаюсь я.

– Знаешь, Даш, – неожиданно задумчиво говорит подруга, – Афродита – это не только туристическая замануха и островной бренд. Есть за всем этим что-то мистическое и, не поверишь, осязаемое. Афродита – душа этого острова.

Если бы подо мной было не сиденье мазды, а просто стул, я бы с него упала. Чтобы моя подруга, образованная и скептически настроенная ко всякого рода нерукотворным чудесам, начала верить в эзотерические сказки?

– Да ладно, – хохочет Галка, видя мое изумление. – Отомри, я в полном порядке. Сама увидишь. Вот обживешься немного, мы тебя возьмем на таинство у священных камней, посвященное Богине.

– Что значит «мы»? Ты вступила в секту поклонников Афродиты?

– Вроде того, – ухмыляется Галка и меняет тему: – Обрати внимание, справа видна главная башня замка Колосси.

– А чем он знаменит?

Квадратное массивное строение уверенно возвышается над желтой пеной кустов и притягивает взгляд.

– О, еще как знаменит. Его возвели в конце тринадцатого века и назвали именем его первого хозяина. Затем замок перешел во владения крестоносцам, которые сделали его своим опорным пунктом и намеревались оттуда править миром. Область вокруг замка вместе с деревнями и сельскохозяйственным угодьями называли командарией. В замке рыцари жили, заседали и решали важные политические вопросы, а на досуге увлекались виноделием и производили вино, вполне достойное по меркам тех времен. Поначалу угощали им паломников, а потом поставили дело на широкую ногу и стали поставлять вино королевским дворам. В конце концов, благодаря крестоносцам к вину тоже приросло название командария, правильно, а чего заморачиваться, – Галка озабоченно осматривается. – Кстати, неподалеку отсюда есть маленький частный музей, посвященный истории производства этой самой командарии. Давай заглянем? Там предлагают продегустировать напиток. Самое время попробовать этот остров на вкус.

И через каких-то пять минут подруга резко сворачивает на едва заметную среди желтых кустов дорожку.

Экскурсия по музею командарии начинается с дегустации. Это здорово придумано, потому что действие выглядит как ритуал и немедленно настраивает на романтический лад. Вино в маленькой ледяной рюмочке оказывается тягучим и сладким, но это не приторная и плоская сладость, какая бывает у сахарной ваты, например. Глубокое, маслянистое и терпкое, с запахом разломанного финика и ореховым привкусом, вино радует небо, глаз и язык. Я прищуриваюсь, поднеся к глазам рюмочку, и не спеша разглядываю на свет богатую красновато-янтарную гамму напитка. Мне хочется мысленно перенестись в прошлое, когда этот напиток был еще юн, но уже знаменит. Воображение меня не подводит и лихо рисует молодого и плечистого рыцаря с веселыми глазами и длинным галльским носом. У него кольчужные гольфы и такой же капюшон, под которым слиплись от жары и пота светлые кудряшки. Белый плащ крестоносцев и фасонистый пояс показывают, что мой рыцарь небедного сословия и прибыл на Кипр на корабле знаменитого Ричарда. В руках он держит связку долбленых тыкв, которые служат фляжками для свежей родниковой воды, но в одну из них ушлый красавчик контрабандно наливает кипрское ароматное зелье и ухмыляется как кот, довольный добычей. Мне приходится сделать небольшое усилие, чтобы прогнать картинку и вернуться в настоящее.

Экскурсия, к счастью, оказывается не слишком длинной и весьма любопытной. Командарии, в самом деле, почти четыре тысячи лет. Славу ей пел сам Гомер. Наш повеса Ричард тоже был от нее в восторге и называл «вином королей», что, впрочем, не помешало ему продать остров вместе с чудным вином тамплиерам. Остров был ему докукой, его манила воинская слава, и за вполне неплохие денежки Ричард сбыл землю с рук. Тамплиеры пообещали ему сто бизаней, а сорок заплатили авансом, и остров перешел к Ордену тамплиеров. Так вышло, что рыцари владели островом недолго, но судьба тем не менее накрепко связала тамплиеров с Кипром, здесь находилась штаб-квартира ордена и его финансы, а также за орденом осталась территория с виноградниками вокруг замка.

Среди рыцарей нашлись образованные и талантливые люди, которые сразу разглядели одно из главных сокровищ острова. Тогда у вина было другое название, киприоты называли его Нама и трепетно любили. Рыцари усовершенствовали напиток, распиарили и дали ему новое красивое имя, которое дожило до наших дней.

В музее уютно. Толстые стены большого старого дома надежно защищают его от дневного зноя, большие каменные плиты на полу отполированы до блеска ногами многочисленных посетителей. Но нам повезло, кроме нас, в музее никого нет. В помещении стоит еле уловимый запах винного погреба, в котором хранятся дубовые бочки с созревающим вином, и это добавляет атмосфере уюта. И вообще, здесь царит ощущение глубокого и расслабленного спокойствия.

Мы с Галкой не торопимся уезжать, а, заказав еще по рюмочке командарии, усаживаемся в густой тени огромного дерева, что растет во внутреннем дворике музея. Девушка-экскурсовод, завершив обязательную программу, заправляет свои темные кудри в совершенно девчачий хвостик и, присоединившись к нам, переходит на неформальное общение. Вот тут-то и начинаются самые интересные рассказы и байки. Оказывается, ее семья тоже производит командарию. Делянки, где растет виноград, запрещено поливать, и урожай собирают только в сентябре, дав заизюмиться. И даже после сбора виноград еще несколько дней вялят на солнце, заставляя его отдать всю накопившуюся за лето сладость. Пчелы слетаются со всего острова. Девчонка, хихикая и артистично жестикулируя, изображает, как ее муж, собираясь перевернуть виноград, загодя вооружается ракеткой для большого тенниса. Отбиваться от пчел.

В Никосию мы приезжаем уже затемно. Впервые за долгое время я чувствую, что мне по-настоящему тепло, причем на душе тоже. Ночью мне снится золотая дорога, по которой с гиканьем несется Галка в коротком хитоне греческой богини, воинственно размахивающая теннисной ракеткой.

Житье-бытье

Мои апартаменты находятся в Никосии. Это столица Кипра и территориально центр острова. В ней еще жарче, чем в приморских городах, зато не так влажно. В Никосии находятся самые важные офисы и банки и почти нет туристов. Она претендует на роскошь и эксклюзивность в масштабе острова. Все брендовые магазины, лучшие салоны и самые дорогие рестораны именно здесь.

Я потихонькувливаюсь в местную жизнь. Привыкаю ходить по теневой стороне улицы, не бояться летающих тараканов и закупаться в крошечных местных магазинчиках под названием «периптеры». Если повезет, там можно найти зеленовато-золотистое оливковое масло домашнего производства, сладкие помидоры величиной с ягодицы младенца и изготовленный мамой хозяина свежайший халуми. Это чуть солоноватый традиционный овечий сыр, который полагается жарить. Впрочем, киприоты суют его везде, где только можно, иногда добиваясь совершенно невероятных сочетаний, как, например, халуми с арбузом.

Мои апартаменты имеют огромную террасу, которая по своим размерам едва ли не превосходит площадь самих апартаментов. На ней-то мы с Галусиком и проводим время после рабочего дня, наблюдая, как оранжево гаснет день и солнце закатывается за Киренийские горы, делая их сиреневыми и прозрачными.

Лучше всего сидится и болтается с рюмочкой зевании. Это местная виноградная водка и моя новая любовь, как ни странно. Никогда бы не подумала, что буду пить в жару что-то крепче белого, но однажды, заглянув в периптер и разглядывая фасонистые зеленые бутылочки местного алкогольного зелья, мы с Галусиком услышали целый гимн этому продукту.

– Девочки, возьмите вот эту, – подошла к нам продавщица и, судя по всему, хозяйка периптера. – Вы знаете, как пить зеванию?

Тут она сглотнула слюну и закатила глаза.

– Нужно непременно положить ее в морозильник, непременно. И только когда она станет очень холодной, наливать. По полрюмочки. И непременно класть бутылку обратно в морозильник до следующей полрюмочки.

В ее голосе звучал такой неприкрытый восторг от гастрономического удовольствия, что нам тут же захотелось его испытать. Зеленая бутылка прыгнула в нашу продуктовую корзину и впоследствии не заставила об этом пожалеть.

Мы с Галкой старательно придерживаемся инструкций по употреблению зевании и обнаруживаем, что процесс имеет не только кулинарные, но и лечебные свойства. Рюмочка за рюмочкой я изливаю подруге душу, она слушает меня, практически не перебивая, только местами тяжело вздыхает и округляет глаза. Она сочувствует вполне искренне, но выглядит при этом так забавно, что в какой-то момент я вдруг осознаю, что события недавнего прошлого мало-помалу лишились своего трагедийного окраса.

Галка же потчует меня островными сплетнями и легендами об Афродите.

У нее талант рассказчика. Богов и богинь она описывает так, словно это ее родственники или хорошие друзья. Скоро мне начинает казаться, что Афродита лишь отлучилась ненадолго, но не сегодня-завтра возьмет да присоединится к нашим посиделкам. И возникает у меня по отношению к ней чувство женской солидарности и совсем неожиданно что-то, похожее на сострадание.

Афродита, как все начиналось

Афродита поражала своей женственной сияющей красотой с того самого момента, когда в морской раковине ее прибило к берегам Кипра. И как у всех настоящих красавиц, судьба ее складывалась нелегко. Ибо настойчивое внимание мужчин имеет свою оборотную сторону, которая зовется женская зависть, и сторона эта черная и опасная.

Тайна рождения Афродиты имеет несколько версий. По одной из них, Зевс баловал себя, сидя на берегу моря, семя его взбило пену, из которой и появилась на свет золотоволосая красавица. Жена громовержца Гера была уязвлена и обижена и сразу невзлюбила Афродиту. Впрочем, Гера терпеть не могла всех внебрачных детей Зевса, которых он производил с завидной регулярностью. Но Афродита еще и по характеру отличалась от Геры, они разнились, как день и ночь. Гера была из тех женщин, что никогда не идут в постель без брака, а, вступив в него, всю жизнь сражаются за супружескую верность. Гера знала, она уважаема, но не любима. Афродита же в избытке обладала сексапильностью, которой так отчаянно не хватало самой Гере, и вдобавок была роскошно свободна в своих чувствах и предпочтениях, что зачастую и делает женщину неотразимой. Гера бесилась при одном только взгляде на юную красавицу и только и думала, чем бы ей досадить. Поэтому, когда предоставилась возможность, сделала все от себя зависящее, чтобы Зевс принял странное и скоропалительное решение – выдать Афродиту замуж за самого уродливого бога Олимпа, колченого Гефеста.

Афродите дали понять, что брак является непременным условием ее присоединения к обществу богов на Олимпе, и красавица согласилась.

Роль Геры в этой некрасивой истории была столь незавидной, что она посчитала нужным оправдаться перед олимпийским бомондом. На всех углах расписывала она в красках, как, требуя Афродиту в жены, «этот невыносимый Гефест» привязывал ее к золотому стулу, издевался и мучил, и она, беспомощная маленькая женщина, просто вынуждена была уступить. Звучало это странно. Чтобы жена Зевса позволила себя шантажировать и пошла на поводу у хромого кузнеца? Олимпийцы кривились, наблюдая, как матерая волчица пытается нацепить личину болонки, но проглотили легенду.

Мезальянс состоялся, однако не похоже, что Афродита любила или хотя бы сколько-то уважала своего супруга, потому что первый ее любовник случился сразу на следующий день после свадьбы. Им стал Арес, высокий и харизматичный красавец, бог войны, но войны не стратегической, а кровавой и вероломной. Сложным персонажем был Арес, пожалуй, последний среди богов олимпийского Пантеона, кого можно назвать мудрым или дипломатичным. Его считали забиякой и дикарем, из тех, кто лезет в драку ради драки. Но вопреки или именно поэтому женщины любили его, и Афродита не стала исключением.

Связь скоро стала прочной, любовники предавались сексуальным утехам при малейшей возможности и, конечно, однажды попались, как это всегда бывает. Их заметил Гелиос, один из отвергнутых воздыхателей Афродиты. Сплетенные в узел обнаженные тела любовников привели его в ревнивую ярость, и он, роняя крылатые сандалии, полетел доложить об увиденном Гефесту.

Старый дурак, решивший когда-то, что юная дева, которую он выторговал у Геры, будет верна ему вечно, вознегодовал и решил отомстить. План Гефеста был хитроумным и жестоким. Он сплел тончайшую невидимую золотую сеть, бросил ее на кровать и затаился в ожидании голубков. Последние не замедлили прилететь и сразу попались. Сеть опутала их так крепко, что они не могли пошевелиться.

Гефест торжествовал, но этого ему показалось мало, он хотел сторицей рассчитаться за свое унижение. И он позвал посмотреть на случившееся всех богов Олимпа. Всех. Богов.

Олимпа. Женщины застыдились и не пошли, а мужчины охотно собрались, чтобы поглазеть на пикантное развлечение.

С большим трудом удалось уговорить роконосца отпустить бедолаг. Но Гефест потребовал изгнания любовников с Олимпа, и Зевс принял условие, хотя после и называл Гефеста глупцом в олимпийских кулуарах. Арес отправился во Фракию, а Афродита, униженная, растоптанная в своей гордости и амбициях и полная решимости отомстить, вернулась на Кипр зализывать раны.

Говорят, первое, что она сделала, это искупалась, чтобы вернуть себе девственность, и больше никогда не вспоминать вероломного супруга. А потом пустилась во все тяжкие, меняя любовников как перчатки. Она родила много детей, из которых, впрочем, любила и держала при себе только Эроса.

Но ни до этой истории, ни после у Афродиты не было детей от Гефеста.

Как отделаться от поклонника

Я потихонечку обживаюсь и, видимо, хорошею, потому что у меня появляется поклонник. Зовут его Ставрос, и он яркий представитель некоторой части населения сегодняшнего Кипра. Большую часть времени он спит в маленьком иностранном банке, занимая номинальную должность директора и получая при этом такие деньги, что я, услышав цифру, не сразу смогла выдохнуть. Это дает ему право чувствовать себя сверхчеловеком и держаться соответственно. Внешне он чем-то похож на пирата со своими темными кудрями и плавной кошачьей манерой двигаться. Джинсы сидят на нем так, что он мог бы подрабатывать их рекламой.

Он, безусловно, сексуален, и желание переспать с максимально большим количеством женщин является его жизненной целью. Поэтому он искренне недоумевает, почему я не падаю к его ногам, как перезревший апельсин.

Я и сама не слишком отдаю себе отчет, что же меня останавливает. Видимо, не могу забыть впечатление, которое произвел на меня этот джентльмен с лондонским образованием, когда мне довелось увидеть его в момент неконтролируемой злости. Куда делся весь его лоск, манеры испарились, ослепительная улыбка превратилась в оскал, а изо рта, казалось, летели не слова, а ступки огня и пара, как у огнедышащего дракона. Я, помню, только порадовалась, что не знаю греческого и не понимаю значения изрыгаемых угроз. После этого я решила притормозить и получше присмотреться к поклоннику.

Мое упорство только задорит Ставроса. Его подстегивает ущемленное самолюбие, и он удваивает усилия в надежде завоевать мою душу и тело.

Сегодня он приглашает меня в один очень эксклюзивный бар, попасть в который у обыкновенного туриста нет никаких шансов.

Барчик этот находится в старой Никосии. Старый город – место весьма атмосферное, но назвать его ухоженным или живописным язык не повернется. В неотреставрированных кварталах находиться не слишком приятно, но часто страшноватые домики, размалеванные грубыми граффити, скрывают в своих лабиринтах дворики с аутентичными ремесленными мастерскими, или жемчужины средневековых церквей, или рестораны с изысканной кухней и соответствующим дизайном. О, жители кипрской столицы знают толк в роскоши!

А бар, куда ведет меня Ставрос, и вовсе не имеет никаких вывесок и названия. Тем не менее он всегда полон. У хозяина убедительный выбор вин, и первый бокал он наливает бесплатно. Впрочем, в накладе он не остается, мало кто из его гостей уходит домой без покупки пары-тройки бутылок весьма недешевого вина. Любителей же выпить на халяву и просто случайно забредших чужаков хозяин бара вычисляет мгновенно и виртуозно игнорирует их присутствие у стойки.

Ставрос у него на хорошем счету, и поэтому нас допускают в святая святых, на второй этаж, где в просторной комнате с продавленными диванами и окнами, распахнутыми настежь в золотую весну Кипра, наслаждаются вином самые избранные.

Ставрос в розовой шелковой рубашке известного бренда сегодня особенно элегантен, и, глянув в старинное зеркало у входа, я отмечаю, что вместе мы составляем красивую пару. Настроение мое взлетает до небес, давненько я не чувствовала себя такой хорошенькой и беспечной.

Ставрос, почувствовав момент, наполняет мой бокал и придвигается как можно ближе.

– Даша, а хочешь, я открою тебе тайну? – склоняется он ко мне, поблескивая белыми зубами под темной щеточкой усов.

Какая женщина откажется от тайны, тем более мужской? Любопытство немедленно вскипает во мне, подобно пузырькам шампанского.

– Конечно, – шепчу я и чувствую, как его рука сползает по моей спине все ниже и ниже и одновременно плотно притискивается к бедру его жесткое колено.

– Я скоро буду очень-очень богат. Баснословно богат, по-настоящему. Я почти нашел клад Исаака. Осталось последнее звено. Совсем скоро, на днях, придет один нужный человек и все станет на свои места. И мы сможем уехать с тобой, куда скажешь. Я буду баловать тебя, купать в золоте. Девочка моя, скажи да.

Голос у Ставроса срывается, дыхание становится тяжелым. Его рука скользит еще ниже, касается голой спины и пытается пробраться под ремень джинсов.

Мне становится неловко, боковым зрением я улавливаю взгляды мужчин из-за соседнего столика. Они явно наблюдают за нами с насмешливой и недоброжелательной заинтересованностью.

– Ах, клад? Это такая большая куча золота? В бреду тебе привиделось? Или купить меня хочешь? Так позвони мне сразу, как разбогатеешь, может, с деньгами ты станешь неотразим, – я нарочно стараюсь подбирать злые слова и решительно отодвигаюсь от Ставроса.

Он замирает на секунду, а затем вдруг как-то сразу приходит в ярость и становится похож на зараженную бешенством крысу. Глаза темнеют, кривая гримаса искажает лицо.

– Приползешь еще ко мне, но будет поздно, – выдыхает он. Потом быстро оглядывается по сторонам, фиксируя любопытные взгляды, с шумом пинает свой стул и покидает меня. Навсегда, видимо.

Клад Исаака

– Клад Исаака? – как ни странно, Галка не смеется, а смотрит на меня изучающе и вполне серьезно.

Мы с ней снова провожаем день с террасы моих апартаментов. Над плоскими крышами домов с одинаковыми водозаборниками, похожими на кубики лего, традиционно разгорается невероятный южный закат.

– Исаак на Кипре был только один, тот самый, который пытался взять в плен Беренгарию и за это заплатил своей свободой и положением.

– Ты считаешь, Ставрос имел в виду именно его? Но это же чересчур давняя история, не сосчитать, сколько столетий миновало.

– Ты понимаешь, – Галусик смакует зеванию и тянется к полосатому от гриля кусочку халуми. Сегодня у нас к нему арбуз, айвовое варенье и свежая лепешка с хрустящей поджаристой корочкой. Мы, как истинные киприотки, пристрастились есть халуми с арбузом и по возможности отдаем должное этому сладко-соленому сочетанию.

– Исаак Комнин был любопытным персонажем, хотя и малосимпатичным. Он Авантюрист с большой буквы, причем авантюрист удачливый, по крайней мере, был таковым до встречи с Ричардом, – усмехается она.

– Откуда он взялся, этот Исаак?

– Он принадлежал к известному роду Комниных, которые правили Византийской империей более ста лет. Был незаконнорожденным сыном правящего императора, и, когда достиг совершеннолетия, тот сплавил его с глаз долой в одну спорную губернию на границе с армянским царством. Там его быстренько взяли в плен, но относились прилично, потому что вскоре он даже женился на тамошней принцессе.

– Ух ты, прямо в плену и женился? – хихикаю я, тоже отдавая должное зеванию и сыру. – А на Кипре он как оказался?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.